

*Харьковский национальный экономический университет им. С. Кузнеця,
к. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии*

СОЦИАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ЛЖИ

Аннотация: В статье рассматриваются аксиологические аспекты лжи как социального явления. Основное внимание уделяется влиянию социокультурных трансформаций на оценку феномена лжи. Примером подобного влияния является акцентированно негативное отношение к лицемерию, неискренности, условностям в социальной коммуникации, возникшее в ходе модернизации общества и обусловленное такими факторами, как развитие критического мышления, интериоризация духовной жизни человека, индивидуализация его деятельности.

Ключевые слова: ложь, общество, человек, ценность, культура.

Анотація: У статті розглядаються аксіологічні аспекти брехні як соціального явища. Основна увага приділяється впливу соціокультурних трансформацій на оцінку феномена брехні. Прикладом подібного впливу є акцентовано негативне ставлення до лицемірства, нещирості, умовностей у соціальній комунікації, що виникло в ході модернізації суспільства і було обумовлено такими факторами, як розвиток критичного мислення, інтеріоризація духовного життя людини, індивідуалізація її діяльності.

Ключові слова: брехня, суспільство, людина, цінність, культура.

Abstract: The article deals with the axiological aspects of lying as a social phenomenon. A special attention is paid to the impact of sociocultural transformations on the evaluation of the phenomenon of lying. An example of such an influence is the accentuated negative attitude towards hypocrisy, insincerity, conventions in social communication, which arose during the modernization of society and was caused by such factors as the development of critical thinking, the interiorization of human spiritual life as well as the individualization of human activity.

Keywords: lies, society, human, value, culture.

Феномен лжи традиционно является объектом философского и научного (преимущественно психологического) рассмотрения. Важность данной проблемы в жизни человека и общества обуславливает устойчивый интерес по отношению к ней, однако в силу своей многоаспектности и сложности она всё ещё остаётся недостаточно изученной.

Философский анализ феномена лжи представлен в работах таких современных авторов, как Д. И. Дубровский [3], А. К. Секацкий [12], Р. Г. Апресян [1], А. А. Гусейнов [2], А. В. Карабыков [6], Ю. А. Разинов [11] Б. С. Шалютин [15] и многих других. Внимание исследователей привлекают онтологический, гносеологический, антропологический, этико-аксиологический, правовой, политический и прочие аспекты лжи.

В данной работе ложь рассматривается как социальное явление. Задача работы – проследить возможные изменения отношения к феномену лжи, её ценностных значений в социально-культурном пространстве по мере модернизации общества.

Согласно наиболее часто встречающемуся определению, ложь – это «неправда, противное истине» [13; 7]. В ситуации лжи происходит сознательное противоречие истине, без представлений о которой ложь не может существовать. Обман искажает действительное положение вещей или, строго говоря, то, что лгущий считает таковым, исходя из своего знания или веры. Истина отвергается им как опасная, невыгодная или неприглядная, низкая.

Ложь предполагает наличие представлений о некоем основании, сама же она фиктивна. Так в средневековой философии ложь, как и зло, наделяли свойством бытийной пустоты. Истина, бытие и Бог отождествлялись, а ложь считалась удалением от них [6, с. 179]. Ложь противостоит реальности, которая рано или поздно может обнаружить себя. Не случайно существуют устойчивые представления о силе правды и того, кто её придерживается. Говорящий правду заодно с действительностью, а тот, кто лжёт, идёт ей наперекор.

Ложь возможна благодаря волевому, разумному и чувственному началу в человеке. Волевое начало проявляется в стремлении «скорректировать» реальность в своих интересах, разумное – в понимании действительного и возможного, правды и правдоподобного, чувственное – в способности к притворству, эмоциональному воздействию на реципиента.

Амбивалентность лжи заключается в том, что она вызывает не только порицание, но и восхищение, ведь лгущий проявляет самообладание, выдержку, известную наглость, находчивость, хитрость, фантазию и артистические качества.

В философской литературе довольно широко варьируются оценки социально-культурного значения лжи. Иногда она категорично трактуется как деструктивный феномен, негативно влияющий на нравственный климат общества [14]. Так в известном трактате И. Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия» утверждается, что «ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права» [5, с. 293]. Быть правдивым во всех показаниях, по мнению немецкого мыслителя, – «священная, безусловно повелевающая и никакими внешними требованиями не ограничиваемая заповедь разума» [5, с. 294].

Рассуждая о возможных причинах формирования подобной однозначной негативной оценки, Б. С. Шалютин заключил, что она представляет собой историческую

форму самозащиты культуры, основой которой является конвенциональный язык. «Хотя в развитых обществах множество конвенций гарантируется юридически, ... исходным и базовым гарантом конвенции доверия является сама человеческая личность. Лжец ... не может выступать таким гарантом... Более того, в нем персонифицируется угроза разрушения социокультурного мира» – пишет он [15].

Более сдержанный подход к проблеме состоит в том, чтобы расценивать ложь как неоднозначное явление социальной жизни, способное оказывать как созидательное, так и разрушительное воздействие на культуру [14]. Довольно часто ложь рассматривается с прагматической точки зрения в качестве функционального и необходимого элемента социальной коммуникации [Там же].

Как отмечал оппонент И. Канта Б. Констан, «нравственное правило, будто говорить правду есть наш долг – если его взять безусловно и в отдельности, – делало бы невозможным никакое общество» [Цит. по 5, с. 292]. В борьбе за минимизацию лжи в социуме, по мнению А. Е. Зимбули, следует помнить, что «векторы честности и гуманности не совпадают», а специальное поощрение правды – это путь, «началом которого могло бы стать доноительство, а продолжением – пытки» [4, с. 192].

Оригинальный взгляд на проблему лжи был характерен для Ф. Ницше. В его философии ложь предстаёт в виде несомненной ценности, в качестве условия жизни и свободы человека. «*Мы нуждаемся во лжи, дабы одержать победу над этой реальностью, этой «истиной», то есть чтобы жить...*» – утверждал мыслитель [9, с. 181].

Независимо от эпохи, ложь является константой деятельности социальных институтов и существования человека в обществе. Но исторические социокультурные трансформации, несомненно, сказываются на восприятии лжи в её различных проявлениях.

А. В. Карабыков отмечал, что средневековое общество характеризовалось высоким уровнем доверия, которое обеспечивало эффективность таких речевых действий, как клятвы, присяги и обеты [6, с. 180]. По его мнению, «сам факт активного и успешного использования названных действий свидетельствует в пользу того, что императив честности приносил свои плоды в реальной жизни» [Там же].

Действительно, в традиционном обществе устное слово было гарантией соблюдения договоров. Это можно объяснить, прежде всего, контролем со стороны семьи, общины и прочих социальных групп, к которым принадлежал индивид и от которых он зависел. Требовалось сохранять свою репутацию и не допускать того, чтобы родовая или корпоративная честь оказалась запятнанной. Таким образом, высокий уровень доверия внутри определённых групп был сравнительно высок.

Но вместе с тем, как пишет Ж. Ле Гофф, общество в средние века «кишело лжецами», а «средневековый словарь чрезвычайно богат выражениями, обозначающими бесчисленные формы лжи и бессчетные разновидности лжецов» [8, с. 330]. Это обусловлено слабостью человека и необходимостью постоянно прибегать к уловкам. «Общее количество благ, которым могло располагать средневековое человечество, было столь недостаточным, что приходилось выпутываться кто как мог. И тот, кто не обладал силой или хитростью, почти наверняка был обречен на гибель» [Там же].

Что касается такой формы лживости, как неискренность, то она в традиционном обществе не слишком проблематизируется, поскольку от индивида требуется, в первую очередь, хорошо исполнять социальную роль, следовать своим обязанностям и долгу, независимо от того, что он чувствует по этому поводу. Внутренний мир средневекового человека оставался довольно закрытым, проявления его подлинной сущности были регламентированы. К примеру, одежда в эпоху средневековья была «настоящей униформой», носить то, что не соответствует положению, означало грех гордыни или падения [8, с. 334].

Когда Б. Паскаль сетовал, что людям свойственно «ненавидеть истину и тех, кто им ее говорит» и хотеть казаться лучше, чем они есть на самом деле, он отметил тот факт, что католику это и не возбраняется. Религия вовсе «не обязывает нас открывать свои грехи всем без разбору; она разрешает таиться от всех прочих людей, но делает исключение для единственного, которому велит открывать глубины своего сердца и показывать себя таким, каков ты есть» – писал Б. Паскаль [10, с. 365–366]. Таким образом, «есть только один этот человек на свете, которого она приказывает не обманывать, и его она обязывает нерушимо хранить тайну, так что этого знания... как бы и нет» [Там же].

Религиозная мысль средневековья отметала обвинения в лживости в адрес самой религии и церкви. Считалось, что против Бога может идти только обманутый. В такой ситуации сомневающаяся в религиозном учении сторона заранее объявляется несостоятельной.

В процессе модернизации традиционного общества уровень недоверия в нём возрастает, что в первую очередь связано с разрушением устойчивых социально-групповых связей. Важным фактором стала рационализация культуры, которая значительно расширила предметное поле сомнения. Меняется отношение к истине, которой теперь предписывают строгие критерии: авторитета, традиции, проверки временем уже недостаточно. Разрыв между отцами и детьми углубляется и становится действительно драматическим. Целые поколения ощущают и провозглашают себя

«обманутыми», борются с идеологическими клише, мифами, ложными кумирами прошлого.

Возникает особая чувствительность к фальши, неизбежно присутствующей в общественной жизни. В социально-практическом контексте прослеживается определённая инерция, когда деятельность теряет своё подлинное содержание, приобретая чисто формальный характер. Так в обществе соблюдаются утратившие свой смысл традиции, воспроизводятся элементы официальной идеологии. Иногда это имеет суггестивную, воспитательную направленность: то, что изначально является симуляцией, должно наполниться внутренним содержанием. К примеру, по мысли Б. Паскаля, если человек не может верить, но хочет от этого излечиться, он должен действовать, как если бы уже веровал: «кропить себя святой водой, ходить к мессе и т. д.» [10, с. 188]. «Привычка – наша природа. Кто привыкает к вере, тот ее исповедует и уже не может не бояться ада и не верит ни во что другое», – писал французский мыслитель [Там же].

Формальностям и условностям принадлежит огромная роль в межличностной коммуникации и системе социальных связей. Идеалы и нормы общественной морали зачастую сами по себе являются отвлечёнными, категоричными, далёкими от жизни и потому искусственными. Субъект, следующий стандартным общепринятым представлениям и практикам, рискует выглядеть лицемером, а не следующий им – грубияном или глупцом.

По мере модернизации общества в поведении человека начинает больше цениться естественность, органичность, непосредственность. От него требуется быть «настоящим», пусть даже это граничит с грубостью, резкостью, неотёсанностью. Правила этикета с течением времени становятся всё более упрощёнными и малочисленными.

Это происходит в силу самоутверждения индивида, его отделения от внешней природной и социальной среды. Люди перестают быть исполнителями данных им от рождения сословных ролей, воспроизводящими вековые традиционные формы поведения. Им предоставляется возможность проявлять индивидуальные качества, осуществлять собственный выбор. Всё более усиливается интерес к тому, что же человек думает и чувствует на самом деле, внимание к его внутреннему миру.

Стремительно развивающаяся светская культура Нового времени порождает героев, всей душой отдающихся своим переживаниям, героев, презирающих условности, высказывающих своё мнение невзирая на лица, наконец, героев циничных, не стремящихся быть или хотя бы казаться лучше. Впрочем, в этом последнем случае искренность зачастую граничит с позой, рисовкой, «интересничаньем». Честность

превращается в своего рода индульгенцию для бессмысленных, глупых, жестоких поступков.

Таким образом, по мере становления культуры Модерна уровень доверия в обществе снижается, при этом негативное отношение ко лжи как социальному явлению сохраняется, а в некоторых аспектах усиливается. Особое значение приобретает правдоискательство, развенчивание исторических и идеологических мифов. Возрастает и акцентируется неприятие лицемерия и неискренности. Это обусловлено такими социокультурными факторами, как индивидуализация деятельности человека, интериоризация его духовной жизни, развитие самостоятельного критического мышления.

К концу XX в. исследования глубин человеческого «Я» парадоксальным образом обернулись постмодернистскими рефлексиями о нетождественности человека самому себе и опосредованности его представлений о себе описаниями, которые составляет социокультурная среда. С этой точки зрения оказывается, что человек поверхностен, он всегда носит маски и в принципе не способен быть искренним и непосредственным. Иронический характер культуры постмодерна не позволяет всерьёз оставаться в рамках жесткой оппозиции истинности и ложности, правдивости и лживости, равно как и любой другой.

Следует отметить, что функциональная роль лжи в социуме современного и постмодерного периодов остаётся чрезвычайно значительной. И это касается не только закрытых тоталитарных обществ, но и открытых, где управление массами осуществляется с помощью манипулятивных технологий. История XX–XXI вв. богата масштабными поисками правды и сенсационными разоблачениями. Однако если лжец по определению искажает истину, то изобличитель не обязательно её отстаивает. На самом деле он может оказаться ещё большим манипулятором, что можно наблюдать в ходе разнообразных информационных кампаний. Восстановление истины – это зачастую лишь иллюзорный эффект разоблачения.

Литература

1. Апресян Р. Г. Комментарии к дискуссии / Р. Г. Апресян // О праве лгать / под ред. Р. Г. Апресяна. – Москва : РОССПЭН, 2011. – С. 204–222.
2. Гусейнов А. А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо? / А. А. Гусейнов // Логос. – 2008. – № 5(68). – С. 103–121.
3. Дубровский Д. И. Проблема добродетельного обмана / Д. И. Дубровский // Философские науки. – 1989. – №6. – С.73–84.

4. Зимбули А. Е. Ложь: нравственно-оценочные аспекты / А. Е. Зимбули // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2012. – № 3. – С. 187 – 192.
5. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия / И. Кант // Тракаты и письма. – Москва : Наука, 1980. – С. 292–297.
6. Карабыков А. В. Проблема лжи в трудах средневековых христианских мыслителей / А. В. Карабыков // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2013. – № 2 (22). – С. 177–185.
7. Карпенко А. С. Ложь / А. С. Карпенко // Новая философская энциклопедия : в 4-х т. / науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. – Москва : Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 447–448.
8. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – Москва : Прогресс, 1992. – 376 с.
9. Ницше Ф. Черновики и наброски 1887–1889 гг. / Ф. Ницше // Полное собрание сочинений : в 13-ти т. – Москва : Культурная революция, 2006. – Т. 13. – 656 с.
10. Паскаль Б. Мысли / Б. Паскаль. – Москва : Изд-во имени Сабашниковых, 1995. – 480 с.
11. Разинов Ю. А. Парадоксы истины и лжи в философии Ф. Ницше / Ю. А. Разинов // *Mixtura verborum* 2014: жизнь в параллельных мирах : философский ежегодник / под общ. ред. С. А. Лишаева. – Самара : Самарская гуманитарная академия, 2015. – С. 40–60.
12. Секацкий А. К. Онтология лжи / А. К. Секацкий. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2000. – 119 с.
13. Соловьев В. С. Ложь / В. С. Соловьёв // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86-ти т. – Санкт-Петербург : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1896. – Т. 34. – С. 911.
14. Чекушкина Е. Н. Феномен лжи (обмана). Философско-этический анализ [Электронный ресурс] / Н. Е. Чекушкина. – Режим доступа : http://onto.ru/public/publications/meneghetti_2012/chekushkina.
15. Шалютин Б. С. Человек лгущий [Электронный ресурс] / Б. С. Шалютин – Режим доступа : <http://anthropology.ru/ru/text/shalyutin-bs/chelovek-lgushchiy>.

© Потоцкая Ю. И., 2019

Yu. Pototska. SOCIAL-AXIOLOGICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF LYING

Потоцкая Ю. И.

*Харьковский национальный экономический университет им. С. Кузнеця,
к. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии
«Социально-аксиологический анализ феномена лжи»*

Потоцька Ю. І.

*Харківський національний економічний університет ім. С. Кузнеця,
к. філос. наук, доцент кафедри філософії та політології
«Соціально-аксіологічний аналіз феномена брехні»*

Yu. Pototska

Simon Kuznets Kharkiv National University of Economics

«Social-axiological analysis of the phenomenon of lying»